

ские задачи, решение которых романтизм обеспечить не может. Послушаем однако самого Майнгофа.

«Такая склонность смотреть свысока на примитивные языковые формы как на предмет, недостойный внимания исследователя, коренится в лежащей позади нас эпохе романтиков. Романтики сыграли исключительную роль, чтобы возбудить восторг к нашему великому прошлому; они содействовали воссозданию немецкого государства и восстановлению величия старой Ганзы. Они привели нас — языковедов — к первоначальным и чистым формам нашего языка и научили нас лучше понимать наш родной язык. Но мы не должны проглядеть за всем значительным и великим, связанным с романтиками, что исторический метод и преклонение перед прошлым могут привести к забвению живой действительности и будущего. Сознание эпигонов таит в себе нечто расслабляющее, парализующее, особенно для юношества, которое хотело бы смотреть вперед, а не назад. И вот теперь здесь, в Гамбурге, корабли и широкое море влекут взор к далеким берегам. Кто найдет в себе смелость (*wer kann da noch beständig*) повернуть взор назад? Ведь дело идет не о том, чтобы построить империю, дело идет о том, чтобы приняться за задачи, которые манят нас по ту сторону моря. Мировое хозяйство, мировая торговля, мировая держава — вот что является движущими силами сегодня. Поэтому языкознание также не может больше льнуть к старине; оно должно приняться за языки всего мира со всей силой, приобретенной им в учебе у истории, оно должно приняться как за языки великих культурных наций Дальнего Востока, так и за языки Африки и морей южного полушария. Они должны проникнуться европейским знанием, преисполниться европейским духом, стать носителями европейского духа. Тем самым немецкая интеллигенция примет подобающее ей участие в подъеме и открытии далеких миров. Поэтому-то мы и изучаем примитивные языки».⁶

В другой своей статье, помещенной в том же сборнике, Майнгоф, рассматривая вопрос о практическом значении африканистики, приходит к следующему заключению:

«Три силы, которые работают в области раскрытия для нас Африки — торговля, миссионерская и колонизаторская деятельность — часто конкурируют друг с другом (*haben sich oft bekämpft*), однако их само собою разумеющиеся интересы ведут, как правило, скорее к сотрудничеству, чем к борьбе друг против друга; во всяком случае все три области пользуются как существеннейшей опорой в распространении своего влияния таким средством, с помощью которого дух передается во вне самым непосредственным образом; я имею в виду язык».⁷

Все приведенные здесь цитаты имели целью показать, насколько точно осознается практическая ценность, практическая целеустремленность даже самых сугубо лингвистических работ; насколько остро ощущаются политические задачи лингвистики в такой самой элементарнейшей, казалось бы, области, как составление грамматик и словарей. Солдат (он же военный губернатор, т. е. чиновник), миссионер и купец — вот кому языковедение должно проложить дорогу, вот кому оно должно послужить важнейшей опорой в их совместной, рука об руку, деятельности.

6. Однако задачи внешней лингвистики в эпоху капитализма гораздо шире, гораздо сложнее. Они не ограничиваются столь простыми и довольно прозрачными откровениями. Развита нами выше, в начале статьи, мысль о характерных особенностях языковых теорий в области внешней лингвистики для периода капитализма нуждается в некоторой конкретизации.

⁶ Karl Meinhof, цит. раб., стр. 25—26.

⁷ Karl Meinhof, цит. раб., статья «Die praktische Bedeutung der afrikanischen Linguistik», стр. 112.